

Весь день Чжао Фан ходил сам не свой.

Четвертая молодая госпожа обожала бывать на скачках – месте, где развлекалась вся столичная знать.

Молодые аристократы и знатные девицы чинно обменивались взглядами; всё это больше походило на масштабные смотрины.

Своенравие четвертой молодой госпожи было притчей во языцех: благовоспитанные дамы обходили её стороной, а матери запрещали сыновьям даже приближаться к ней.

Как бы ни была богата резиденция маркиза, взять в жены такую особу означало навсегда забыть о покое в доме.

Как и следовало ожидать, эта заноза умудрилась повздорить с шестой дочерью из семьи первого министра.

Слуги с обеих сторон тоже были готовы вцепиться друг другу в глотки.

До драки не дошло, но разгневанная госпожа отвела Чжао Фана в сторону и тихо отдала приказ.

— Это... не слишком ли? — Засомневался Чжао Фан.

Госпожа гневно сверкнула глазами:

— Ты смеешь обсуждать мои приказы? Живо исполняй!

Чжао Фан поплелся выполнять задание без всякого желания. Четвертая молодая госпожа полностью оправдывала роль злодейки: она велела подрезать подпругу у лошади шестой госпожи, чтобы та опозорилась во время заезда.

Но ведь человек мог и насмерть разбиться!

Чжао Фан вдруг вспомнил, что в книге был подобный эпизод. Только пакость совершил не он (поскольку его персонаж к тому времени уже «выбыл»), а Цзисян.

Тот был неуклюжим и попался людям шестой госпожи прямо на месте преступления.

Узнав в нем слугу своей соперницы, шестая госпожа велела привязать его к хвосту лошади и пустить вскачь.

Разве может двуногий человек угнаться за четырехногим зверем?

Цзисяна волокли несколько ли, пока он не превратился в кровавое месиво, умерев в страшных муках.

Чжао Фана пробрал озноб. Повторять судьбу Цзисяна ему совсем не хотелось.

Внезапно его осенило. Он раздобыл бумагу и кисть, нацарапал записку и спрятал её в рукав.

У конюшен никого не было, но Чжао Фан не спешил вредить. Он смиренно ждал.

Вскоре показались люди из свиты шестой госпожи.

— Ты кто такой? Что здесь делаешь? — Гаркнул один из них.

Чжао Фан с заискивающей миной шагнул вперед:

— Меня просили передать весточку вашей седьмой молодой госпоже.

Седьмая госпожа из дома министра была главной героиней книги, но сейчас она держалась в тени, уступая в блеске своей шестой сестре.

Этим ходом Чжао Фан убивал двух зайцев: избавлял себя от беды и помогал героине набрать очков.

Вскоре четвертая молодая госпожа и шестая госпожа, облаченные в охотничьи костюмы, вскочили в седла. Каждая была полна решимости утереть нос другой.

На последнем круге шестая госпожа внезапно вскрикнула. Четвертая госпожа в душе возликовала и обернулась поглядеть на триумф, как вдруг её собственный конь ни с того ни с сего вздыбился.

Она испугалась, и ей стало не до чужого позора – пришлось всеми силами усмирять обезумевшее животное.

Тем временем шестая госпожа под восторженные крики толпы сорвала расшатавшееся седло, лихо отбросила его в сторону и, вцепившись одной рукой в поводья, пустила коня в галоп. Ярκο-красный наряд подчеркивал её статную фигуру.

Когда она пересекла финишную черту, всё поле взорвалось аплодисментами.

Множество мужских взглядов было приковано к сияющей шестой госпоже.

В империи Великая Цзинь ценилась воинская доблесть, и женщины, искусно державшиеся в седле, не были редкостью.

Шестая госпожа забрала всю славу, а четвертая осталась ни с чем, глотая пыль.

Издавек Чжао Фан видел, как шестая и седьмая госпожи обнялись. Он не сомневался, что героиня сумеет извлечь выгоду из этой ситуации.

Вернувшись в поместье, четвертая молодая госпожа была чернее тучи:

— Чжао Фан, как ты всё подготовил? Почему седло развалилось только в самом конце?!

— Фугуй, Цзисян! Схватить его и всыпать двадцать палок!

Фугуй незаметно подмигнул Чжао Фану, и тот всё понял. Когда началось наказание, он вопил так, будто с него сдирали кожу живьем.

Несмотря на то что Фугуй старался бить не в полную силу, задница Чжао Фана всё равно изрядно пострадала.

— Ой-ёй... А-а-а-а! — Стенал он на всю округу.

Наслушавшись этих воплей, госпожа наконец сменила гнев на милость:

— Ладно, иди отлежись.

Отработав всего один день, Чжао Фан снова ушел на оплачиваемый «больничный».

Если не считать невыносимой боли в мягком месте, всё было отлично. Он готов был стерпеть еще десять ударов, лишь бы не видеть лица, так похожего на лицо бывшей.

Едва живой Чжао Фан, смазав раны, только собрался прилечь на живот, как в комнату ворвался Цзисян:

— Братец Чжао, беда! Твоя мать забрала Гу Сы!

— Что?!

Чжао Фан подскочил, задев задницей жесткий край кровати. Искры из глаз посыпались, он едва не лишился чувств. — Скорее... остановите её!

— Ты будто свою мать не знаешь! — Воскликнул Цзисян. — Разве я её остановлю? Она меня самого в порошок сотрет!

Забыв о боли, Чжао Фан взмолился:

— Помоги мне дойти.

— Ты чего задумал?

— Спасать его!

Видя, как Чжао Фан обливается холодным потом от спешки, Цзисян не удержался от вздоха:

— Братец Чжао, мы столько лет знакомы, а я и не знал, что ты такой пылкий в чувствах.

Чжао Фан едва не споткнулся: — ...Заткнись.

Зная взрывной характер мамы, медлить было нельзя.

Когда Цзисян довел его до заднего двора, Гу Сы уже был раздет до пояса и привязан к дереву. Вокруг собралась толпа слуг и девок, глазевших на расправу.

Юноша висел на веревках, низко опустив голову; казалось, в нем не осталось и капли жизни.

У Чжао Фана задергалось веко. Он бросился вперед:

— Матушка, стой! Перестань!

Мать Чжао яростно орудовала толстым ивовым прутком, раз за разом хлестая парня по спине:

— А ну не мешай! Кто ему позволил моего сына охмурять?!

— Бесстыжая тварь!

В толпе слышались смешки.

Чжао Фан не знал, что и сказать. Понимая, что мать за локоть не удержат, он накрыл собой юношу:

— Матушка, ты всё не так поняла! Не охмурял он меня, нет между нами ничего! Не слушай ты сплетни пустые!

Мать не успела перехватить замах, и прут пришелся прямо по руке Чжао Фана. — Тогда чего ты его защищаешь? И зачем врал, что он помер?

— Я его мать погубил, он теперь круглая сирота. Если я его не приючу, он и вправду на улице сгинет.

— Одним попрошайкой меньше, одним больше – какая разница? — Фыркнула мать. — Стоит ли из-за него так убиваться?

Чжао Фан понимал, насколько глубока пропасть между сословиями. Для слуг из знатных домов нищие были наравне со скотиной: убей – и совесть не шелохнется.

Он не знал, как объяснить свое поведение, поэтому решил импровизировать на ходу:

— Сон мне приснился! Будто он – мой благодетель, и в будущем поможет мне в люди выбиться. Нельзя ему умирать!

— Матушка, прими его как второго сына. Родных у него нет, вырастишь его – будет кому еще тебя на старости лет кормить.

— Благодетель?

— Он-то?!

— Попрошайка этот?!

Окружающие покатались со смеху, никто не принял его слова всерьез.

Но Чжао Фан стоял на своем:

— Да, именно он.

— Приснилось мне, что через три года Великие Юэ нападут на наши границы. Гу Сы отправится в поход вместе с наследником титула и совершит великие подвиги. Через два года он вернется с победой, и сам государь пожалует ему звание генерала Божественной Воинственности.

Чжао Фан говорил так уверенно и серьезно, будто зачитывал историческую хронику.

Смех поутих.

Рассказ был слишком подробным, чтобы казаться простой выдумкой, а выражение лица Чжао Фана было настолько непоколебимым, что никто не посмел обвинить его во лжи.

Мать Чжао вдруг почувствовала, что совсем не знает собственного сына. Ей и раньше казалось, что он изменился, но теперь это чувство стало отчетливым.

Когда толпа разошлась, Цзисян помог Чжао Фану подняться и шепотом спросил:

— Братец Чжао, неужто ты правду сказал?

<http://bllate.org/book/18123/1739317>